

Троценко Дмитрий Николаевич

аспирант кафедры новейшей
отечественной истории
Кубанского государственного университета
тел.: (961) 851-87-94

**ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКИХ
ГРАЖДАН К ИНСТИТУТУ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ
1917–1918 ГГ.**

Аннотация:

В данной статье автор попытался осветить отношение населения России к политическим партиям в 1917–1918 гг. Работа основана на анализе источников личного происхождения, на основании которых реконструируются взаимоотношения между гражданами и политическими партиями.

Ключевые слова:

политическая партия, выборы, идеология, социализм, социал-демократы, большевики.

Trotsenko Dmitriy Nikolaevich

PhD student of the Contemporary
History of Russia Department,
Kuban State University
tel.: (961) 851-87-94

**RUSSIA POPULATION'S
ATTITUDE
TO POLITICAL PARTIES
IN REVOLUTIONARY PERIOD OF
1917–1918**

The summary:

The author reveals an issue of attitude of Russia's population to political parties in 1917–1918, basing upon private date sources and reconstructing correlations between citizens and political parties.

Keywords:

political party, election, ideology, socialism, Social Democrats, Bolsheviks.

Идеология – важнейшая часть политического процесса. Если бы не было разнообразных политических идеологий, то отсутствовала бы и политика. В демократическом обществе закреплено многообразие идеологий. А в тоталитарном существует только одна единственная. Но как же формируется эта «идеология», кто ее творец? Ответ на удивление прост – политические партии. Именно они создают, популяризируют и реализуют ее основные положения.

В России первые партии, появившиеся на рубеже XIX–XX вв., уже имели четкую идеологическую направленность. Были либеральные, монархические, национальные, социалистические и даже анархические политические организации.

Зинаида Гиппиус так охарактеризовала идеологические течения во время первой мировой войны: «Дурново все так же требует «держат и не пускать». Милюков все так же умеренничает и воздерживается. Чхеидзе все так же предается своим прекрасным утопиям» [1, т. 1, с. 406].

Итак, что такое партия? Давайте приведем определение современника Русской революции Н.Н. Алексеева: «Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая объединена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда единство средств» [2, с. 170].

Ну а теперь обратимся к воспоминаниям современников и попытаемся рассмотреть основные партии в России 1917–1918 г. Солдат Чиненов так рассказывает об увиденном им в 1917 году: «Первым выступил представитель партии кадетов. Он говорил красиво, но об окончании войны не упомянул. Ему все-таки аплодировали. Затем выступил меньшевик, он тоже увлекательно говорил, критиковал кадета, но сам ничего существенного не сказал. Ему тоже хлопали. После него выступил эсер, заявив, что он член той партии, которая защищает интересы трудового народа. Он пускал шпильки предыдущим ораторам, но сам тоже ни об окончании войны, ни о земле ничего определенного не сказал» [3, с. 31]. Исходя из этих слов, можно сделать вполне конкретный вывод: солдаты видели, что партийные агитаторы постоянно спорят друг с другом, но не говорят того, что хотят от них услышать. Под воздействием пропаганды и тягот, связанных с войной, рядовой состав армии уже не хотел воевать, они хотели мира, а его предлагали только большевики, поэтому абсолютно закономерным процессом выглядит большевизация советов осенью 1917 г.

Видный социалист В.Б. Станкевич оставил такие размышления о результатах деятельности партий в период от Февральской революции до Октябрьской: «И что же дали политические партии для борьбы с этими трудностями? Правительство, которому сами не доверяли и которое в минуту опасности предали? Демократическое совещание, не сумевшее дать даже теоретического ответа

на вопрос об организации власти? Исполнительный комитет прежнего состава эту общественно-бюрократическую канцелярию, мнившую, что воззваниями можно управлять страной? Ни политической программы, ни организационных способностей не проявили правящие партии. Вот скорбный итог вчерашнему дню» [4, с. 77]. Таким образом, при изучении письменного наследия Русской революции можно понять причины прихода большевиков к власти. Это были не немецкие деньги, хотя и их роль полностью исключать нельзя, а главной предпосылкой победы РСДРП(б) была деятельность других политических сил, которые ждали Учредительного собрания и при этом ничего не делали для устранения причин экономических и социальных проблем.

Так, Нестор Махно утверждал: «Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющие трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, глубину которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить» [5, с. 39].

Крестьянин-толстовец В.В. Янов оставил крайне любопытные воспоминания: «Я увидел, что эти партии создали себе каких-то воображаемых крестьян и рабочих, которых очень возвеличили на словах, а к живым людям относились, как и прежде относились к рабочим и крестьянам...» [6, с. 16]. В этих нескольких словах содержится причина сверхпопулярности большевиков в конце 1917 г., когда они приняли декрет о земле, мире и т.д. Большевики делали то, что обещали, а не обещали и ничего не делали, как представители других политических сил.

Необходимо отметить тот факт, что народ затерялся в партийном многообразии. Если учитывать его низкий образовательный уровень, то в этом нет ничего удивительного. Вот, что по этому поводу рассуждал один неизвестный автор: «...Вы должны обратить серьезное внимание на следующее. Народ наш так запутался в паутине, выпущенной вождями различных партий, что он совершенно не понимает за кем идти и кого слушать. Каждая партия убеждает народ по-своему. Все тянут и разделяют темный народ во все стороны» [7, с. 33].

Дисциплина внутри партий была так же очень слабая, они распались на огромное количество разнообразных фракций, вследствие чего образовывалась неразбериха в управлении. Вот, что по этому поводу писал А. Кулехов: «...я записался в список эсеров. Но ни билета, ни поручений эсеровских я не имел и на собраниях их не присутствовал» [8, с. 42].

Революция показала, как быстро человек приспосабливается к изменениям в политической сфере. Народ удивительно тонко чувствует политический момент. «В Петербурге в то время была в ходу кличка «мартовские эсеры». То были люди, раньше совершенно неизвестные, теперь объявившие себя эсерами единственно, конечно, потому, что ближе всех к власти стояли в 1917 г. эсеры; можно даже сказать, они были у власти, и, следовательно, в то время было выгодно сделаться эсером. «Мартовских эсеров» оказалось множество. Но в октябре, когда власть перешла к большевикам, вся эта ватага быстро превратилась в большевиков, «октябрьских большевиков» [9, с. 122]. Но здесь необходимо оговориться, не весь народ метался из одного политического лагеря в другой, а только его небольшая часть, состоящая из беспринципных людейшек, главной целью которых является нахождение у власти для извлечения максимальной выгоды для себя, а не для народа в целом.

Политический процесс шел по всей территории бывшей Российской империи. Неизвестный автор оставил очень интересные размышления по его развитию на Кубани: «Широкий и свободный доступ в партию после Февральской революции, когда считалось дурным тоном быть без того или иного партийного ярлыка, наводнил ее беспринципным и мещанским элементом» [10]. В этом отрывке наиболее интересны две мысли. Первая заключается в открытом презрении к сословию мещан, что, кстати, характерно было для довольно большого количества думающих людей. Вторая состоит в утверждении о существовании некой «моды на политику», нахождение вне партий считалось не модным для образованных людей.

Распространение партий имело и ряд трудностей, главной из которых является деление общества на социальные группы, отличающиеся по своему экономическому положению. Советский историк С. Бойков утверждал, что верхушка казачьих станиц поддерживали кадетов, а низы – эсеров [11, с. 47].

Особый разговор – это состояние монархического крыла в 1917 г. В стране до Февральской революции существовало довольно большое количество процаристски настроенных сил. Но куда они запропастились во время трагических событий зимы-весны 1917 г., не известно. К. Мерецков сообщает в своих воспоминаниях: «Впервые после Февральской революции монархисты осмелились у нас на открытое сборище» [12, с. 95].

Бывшие консерваторы находились в глубоком идеологическом кризисе. Так В.В. Шульгин принял непосредственное участие в отречение последнего императора, ради спасения монархии. А видный монархист В.М. Пуришкевич всегда очень негативно относился к Партии народной свободы и еще до памятных событий 1917 г. обвинял ее во всех смертных грехах:

«Эта вреднейшая партия в России, этот вечно тлеющий очаг русской революции» [13, с. 24]. Слова одного из лучших идеологов и ораторов монархического крыла были не лишены смысла, ведь именно кадеты стали во главе Февральской революции.

Интересна и эволюция самой Партии народной свободы, она металась из одного идеологического лагеря в другой (то они требовали создания конституционной монархии, то выдвигали идею построения республики). Милюков и его единомышленники навсегда запятнали свою честь в глазах народа, приняв участие или просто поддержав в августе 1917 г. генерала Корнилова. После этих событий конституционные демократы не воспринимались иначе как контрреволюционная сила. В 1918 г. термин «кадеты» приобрел уже некоторый бранный оттенок. Казак Д.И. Радченко так охарактеризовал партию «кадетов», причем не партию, возглавляемую П.Н. Милюковым, а участников белого движения: «Но «кадеты» сами толком не знали, чего хотят. Одни из них были за царя, другие за какое-то собрание (учредительное, чрезвычайное), где будут выбирать представителей. Третьи, уже не «кадеты», а местные из кубанцев – за «самостоятельную» казачью державу. Главный же верховода – генерал Деникин все толковал за «единую и неделимую Россию», но все они «Спасали Россию» от красных, и все а голос кричали, что радеют за народ...» [14, с. 270].

Современный историк П.П. Марченя так охарактеризовал «политическое наследие» кадетов: «Кадеты, опираясь первоначально на идею конституционной монархии, сыграли наиболее значительную, по сравнению с другими партиями, роль в деле компрометации и гибели института монархии в России; добившись формальной возможности осуществлять свои «конституционно-демократические планы» – «вдруг» обнаружили, что народ России к ним не готов («недостаточно хорош для их идей»); будучи «главными» либеральными демократами России («демократами без демократии») – они как минимум на 70 лет (если не навсегда...) скомпрометировали саму идею либеральной демократии в России. ...называя себя Партией Народной Свободы – они стали в массовом сознании главными врагами народа и его свободы; считая себя творцами Великой Русской Революции, очень скоро оказались в глазах народа ее «слепыми поводырями», самозвано узурпировавшими место Царя-батюшки временщиками (в России способными только разрушать, но не творить) и, наконец, «повинными в смуте оборотнями» [15, с. 170–171].

Очень любопытной была и позиция церкви, она оказалась в крайне затруднительном положении. С одной стороны, она навсегда связана в восприятии населения с монархией, а с другой – с крупнейшими земельными наделами, находящимися в ее собственности. Необходимо было срочно выработать новую позицию церкви, исходя из реальной политической картины дня. Вот что говорилось в резолюции съезда духовенства и мирян Челябинского викариата от 27 апреля 1917 года: «...социалистические партии в последнее время обнаружили глубокий государственный смысл и высокий патриотизм, умерив, ввиду переживаемого момента, некоторые свои крайние требования, вследствие чего собрание считает своим нравственным долгом искренно, от всего сердца приветствовать представителей трудового класса как своих братьев-сограждан, объединенных с нами одним чувством любви и служения свободной России» [16, с. 20].

Как же относилась армии к происходящим событиям в стране. Г.П. Сафронов оставил весьма любопытное свидетельство о настроении рядовых солдат (крестьян) о позиции политических партий о земле и власти: «...шли острые дискуссии между представителями партийных групп... Надо сказать, солдаты не очень-то охотно ломали голову над меньшевистской или другой земельной программой, над мудреными словами вроде «муниципализация». Они без всяких оговорок принимали большевистскую позицию – конфисковать помещичьи земли и передать их беднейшему крестьянству без всякого выкупа» [17, с. 63]. В среде бедного казачества и иногородних были схожие настроения. Казак Ф.К. Миронов в своем воззвании утверждал: «Партия народных социалистов говорит, что и землю, и волю, и права народу – окончательно мы дадим народу через 35 лет. Партия правых социалистов-революционеров говорит: а мы все это дадим народу через 35 лет. Партия левых социал-революционеров говорит, а мы дадим все это народу через 20 лет. Партия социал-демократов – меньшевиков говорит: а мы дадим народу это все через 10 лет. А партия социал-демократов – большевиков говорит: убирайтесь все вы со своими посулами ко всем чертям. И земля, и воля, и права, и власть народу – ныне же, но не завтра и не через 10, 20, 35 и 50 лет» [18, с. 74].

А участник гражданской войны в России И.И. Серебренников утверждает: «Говоря о войне, социалисты и коммунисты начинали свои митинговые речи приблизительно одинаково, по раз принятым трафаретам, твердо установленным демократией Петрограда. Провинция продолжала столицу» [19, с. 282].

Юг России не остался в стороне от тех резкий преобразований в стране, которые произошли после смены «неугодного» царя. Красногвардеец К.П. Ковалев так описывает политический процесс на Кубани: «Это было в 1917 году, после переворота начались разные брожения,

появились разные партии. Социал-демократы, социал-революционеры, учредилорцы. Мы как портовые рабочие и между нами было много старых моряков-грузчиков, знали всех вождей партии и вот остановились все на тов. Ленине, кто его лично знал, это было несколько человек, а остальные не имели представления ни о каких партиях» [20]. «В Темрюке с февраля был создан гражданский комитет, куда вошли эсеры, меньшевики, энесовцы, торговцы – вся местная мелкая буржуазия...» [21, с. 168].

Очень любопытным нам представляется и некоторый «дуализм», царивший внутри РСДРП(б). В 1917 г. большевики не представляли собой единого монолита. По многим вопросам постоянно разгорались споры. Поэтому партийные ячейки на местах зачастую находились в затруднительном положении. Но вдобавок ко всему, как считает итальянский исследователь А. Грациози, большевиков можно разделить на две группы: 1) большевизм, исходящий от крестьян и солдат; 2) большевизм «истинный», исходящий и творимый профессиональными политиками. Между этими частями партии наблюдались некоторые разночтения в чувстве политического и исторического момента [22, с. 17].

Отношение разных слоев населения к большевикам было вариативным. Одни их боготворили, другие всячески проклинали. Поэт и критик Георгий Адамович в своих воспоминаниях выразил отношение образованной части российского общества к РСДРП(б): «К большевикам все относились отрицательно. Когда июльское восстание было подавлено, то в моей семье, среди моих литературных знакомых все ждали, что большевики, главари этого восстания будут арестованы и если не расстреляны, то спрятаны там на много лет, так чтобы они не могли вредить» [23, с. 137].

Что же происходило в это время в казачьих землях? «К концу осени 1917 года политическая атмосфера на Кубани стала весьма горячей. На все лады склонялось слово «большевик». Почти всех иногородних называли большевиками. Казаков, прибывших с разных фронтов, тоже считали за большевиков. Большевики заводились везде» [24].

И.П. Пузырев писал: «В то время (1917 год) большевиков еще не знала станица; не только народ, но даже местная интеллигенция, меня окрестили анархистом, демагогом» [25].

Большевики, объективно говоря, на Северном Кавказе столкнулись с большими трудностями, ибо их силы были в основном сосредоточены в крупных городах, таких как Грозный, Порт-Петровск, Владикавказ, Екатеринодар, Пятигорск и других [26, с. 7].

Итак, подведем краткие итоги. Политические партии играли весьма существенную роль в жизни общества в 1917–1918 гг. Они пытались стать проводниками идей простого народа. Но пропасть между интеллигенцией и рядовыми гражданами страны была настолько глубокой, что партии существовали сами по себе, а народ сам по себе. Малограмотный крестьянин, солдат и рабочий не особо разбирались в идеологических спорах партийных ораторов. Они хотели земли, а не дискуссии о ней, желали получить фабрики и заводы в свое управление, а не полемику по этому поводу, мечтали об окончании кровопролитной бойни, а не бесконечных митингах, на которых призывали сражаться до победного конца и т.д.

Обыватель запутался, был сбит с толку. Но самое удивительное, что это проявлялось одновременно по всей стране. И в столицах, и в провинции. На местах даже было несколько хуже, ибо стал прорисовываться местный национализм, имевший особенно пагубные последствия в казачьих землях.

Ссылки:

1. Гиппиус З. Дневник. М., 1999.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
3. Чиненов И. Встречи с Лениным // За власть советов. М., 1957.
4. «Два пути стоят перед нами...» Письмо бывшего Верховного комиссара Временного правительства В.Б. Станкевича 1918 г. // Исторический архив. 1997. № 4.
5. Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. М., 1991.
6. Янов В.В. Краткие воспоминания о пережитом // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. М., 1989.
7. «Свобода должна быть только для угнетаемых». Письма во власть (1917–1920 гг.) // Исторический архив. 1998. № 5–6.
8. Кулехов Алексей. Памятные годы. М., 1957.
9. Революция приняла чересчур левый характер. Из воспоминаний В.К. Дебогория-Мокриевича // Исторический архив. 1998. № 5–6.

References (transliterated):

1. Gippius Z. Dnevnik. M., 1999.
2. Alekseev N.N. Russkiy narod i gosudarstvo. M., 1998.
3. Chinenov I. Vstrechi s Leninyim // Za vlast' sovetov. M., 1957.
4. "Dva puti stoyat pered nami..." Pis'mo byvshego Verkhovnogo komissara Vremennogo pravitel'stva V.B. Stankevicha 1918 g. // Istoricheskiy arkhiv. 1997. No. 4.
5. Nestor Ivanovich Makhno. Vospominaniya, materialy i dokumenty. M., 1991.
6. Yanov V.V. Kratkie vospominaniya o perezhitom // Vospominaniya krest'yan-tolstovtsev. 1910–1930-e gody. M., 1989.
7. «Svoboda dolzhna byt' tol'ko dlya ugnetae-mykh». Pis'ma vo vlast' (1917–1920 gg.) // Istoricheskiy arkhiv. 1998. No. 5–6.
8. Kulekhov Aleksey. Pamyatnye gody. M., 1957.
9. Revolutsiya prinyala chereschur levyy kharakter. Iz vospominaniy V.K. Debogoriya-Mokrievicha // Istoricheskiy arkhiv. 1998. No. 5–6.

10. ГАКК. Ф. Р-411. Оп.2. Д.220. Л.10.
11. Бойков С. От февраля к октябрю // Октябрь на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1934.
12. Мерецков К. Моя юность. М., 1975.
13. Пуришкевич В.М. Убийство Распутина. Из дневника В. Пуришкевича. М., 1990.
14. Радченко В.Г. Байки деда Игната. М., 2008.
15. Марченя П.П. Крестьянство и империя в 1917 году: массовое сознание как фактор политической истории Октября // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. М., 2007. С. 170–171.
16. Русская православная церковь и Февральская революция // Вопросы истории. 2004. № 3.
17. Сафронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976.
18. Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузмича Миронова. М., 1989.
19. Серебренников И.И. Гражданская война в России. Великий отход. М., 2003.
20. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 206. Д. 206. Л. 2.
21. От февраля к октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
22. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2008.
23. Георгий Адамович. В 1917 году // Родная Кубань. 2000. № 4.
24. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 208. Л. 15.
25. ГАКК. Ф. Р-411 Оп. 2. Д. 206. Л. 29.
26. Инжиевский А.А. Великий октябрь – коренной поворот в исторических судьбах народов // Казачество в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы Всесоюзной научной конференции. Черкесск, 12–13 ноября 1980 года. Черкесск, 1984.
10. GAKK. F. R-411. Op.2. D.220. L.10.
11. Boykov S. Ot fevralya k oktyabryu // Oktyabr' na Severnom Kavkaze. Rostov-na-Donu, 1934.
12. Meretskov K. Moya yunost'. M., 1975.
13. Purishkevich V.M. Ubiystvo Rasputina. Iz dnevnika V. Purishkevicha. M., 1990.
14. Radchenko V.G. Bayki deda Ignata. M., 2008.
15. Marchenya P.P. Krest'yanstvo i imperiya v 1917 godu: massovoe soznanie kak faktor politicheskoy istorii Oktyabrya // Oktyabr' 1917 goda: vzglyad iz XXI veka. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. M., 2007. P. 170–171.
16. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i Fevral'skaya revolyutsiya // Voprosy istorii. 2004. No. 3.
17. Safronov G.P. Nepodvlastnoe vremeni. M., 1976.
18. Medvedev R.A., Starikov S.P. Zhizn' i gibel' Filippa Kuzmicha Mironova. M., 1989.
19. Serebrennikov I.I. Grazhdanskaya voyna v Rossii. Velikiy otkhod. M., 2003.
20. GAKK. F. R-411. Op. 2. D. 206. D. 206. L. 2.
21. Ot fevralya k oktyabryu. Iz anket uchastnikov Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. M., 1957.
22. Gratsiozi A. Velikaya krest'yanskaya voyna v SSSR. Bol'sheviki i krest'yane. 1917–1933. M., 2008.
23. Georgiy Adamovich. V 1917 godu // Rodnaya Kuban'. 2000. № 4.
24. GAKK. F. R-411. Op. 2. D. 208. L. 15.
25. GAKK. F. R-411 Op. 2. D. 206. L. 29.
26. Inzhievskiy A.A. Velikiy oktyabr' – korennoy povorot v istoricheskikh sud'bakh narodov // Kazachestvo v Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoj vojne. Materialy Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii. Cherkessk, 12–13 noyabrya 1980 goda. Cherkessk, 1984.